

Ноября 6 (19)

Священномученик
Арсений (Троицкий)

Священномученик Арсений родился 28 октября 1880 года в селе Гридьево Тверского уезда Тверской губернии в семье священника Сергея Троицкого. Поступил в Тверскую Духовную семинарию, которую окончил в 1903 году. Во время обучения в семинарии он нес послушание учителя певчих архиерейского хора и часто приглашался проповедником на архиерейские богослужения.

30 января 1903 года в день празднования памяти великих святителей и учителей вселенских Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого архиепископ Тверской и Кашинский Димитрий (Самбикин) совершил литургию в храме Трех святителей в Твери. Произнесение проповеди на богослужении было поручено Арсению Троицкому. В этой проповеди он, в частности, сказал: «Мы, православные служители, в настоящий день творим память трех великих святителей и наставников наших – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого; воспоминаем их благочестивую жизнь и те великие подвиги и труды в деле проповедания слова Божия, которыми так полна жизнь этих трех великих столпов веры Христовой.

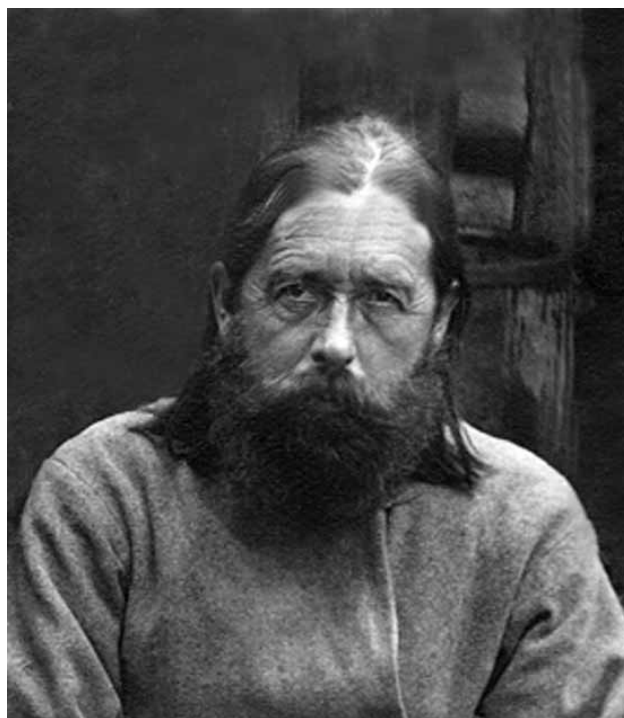
Для чего же мы совершаем это воспоминание? Если скажем, что для того, чтобы прославить и возвеличить имя их, то они уже прославлены и возвеличены не только на земле, но и на небе, не только от человек, но и от Бога, ибо они уже *не странни и пришельцы, но сожителе святым и приснии Богу* (Еф. 2, 19). К чему же тогда настоящее торжество в память их?

Ответим на это словами апостола Павла: да взирающе на скончание жителства, подражаем вере их (Евр. 13, 7), то есть чтобы мы, чтущие память их, поучались примером их добродетельной жизни, подражали вере их, благодаря которой они содеяли правду, получили обетования, стяжали себе неувядаемые венцы жизни вечной. Для каждого члена Церкви Христовой вера есть единственное средство для получения живота вечного, и вся жизнь христианина есть один непрерывный подвиг веры и добродетели, который он благополучно может совершить, подражая вере своих наставников – святых угодников Божиих. Но спросим себя, православные слушатели, идем ли мы на этот подвиг веры, совершаем ли его и подражаем ли вере своих руководителей? Подвиг этот велик, и редко кто из нас благополучно совершает его. Он состоит в том, чтобы жить свято, в правде и истине, чтобы во всех делах и начинаниях предавать себя на волю Божию, жить для Бога и так быть верным Ему и надеяться на Его благость и милосердие, чтобы ни мучения, ни самая смерть не могли заставить нас отречься от веры в Него...

Далее, спросим себя, можем ли мы, ученики и последователи святых наставников наших, подражать той ревности и твердости в вере и правде, из-за которой они претерпевали всякие гонения и лишения? Поистине, наше сердце содрогается и трепещет при воспоминании тех страданий и мучений, которые они терпели за имя Христово. Для нас кажется это очень и очень трудным подвигом. Но они безболезненно идут пред судилища, ведутся на мучения, даже радуются, что сподобились за имя Господа Иисуса Христа бесчестие прияти (Деян. 5, 41): ничто не может разлучить их от любви Божия, яже о Христе Иисусе, – ни смерть,

ни живот, ни начала, ни власти, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая (Рим. 8, 38, 39). Так, воспоминаемый ныне угодник Божий святитель Василий Великий, когда царский епарх Модест, желая привлечь его на сторону еретиков, именем царя стал грозить ему изгнанием и другими бедствиями, отвечал: “Изгнания я не боюсь, потому что вся земля моя, или, лучше сказать, Божия. Мучений я не боюсь, потому что они приведут меня к желанному концу, и ты окажешь мне милость, что скорее пошлешь меня к Богу”.

Вот как подвизались святые угодники, вот как они побеждали мир и грех, и победой этой была вера их. Но не такова наша жизнь, наши дела, наша вера, в сравнении с их верой. Отчего же это происходит? Или, может быть, они были высшие, отличные от нас существа? Нет, они были такие же люди, как и все мы... Но, быть может, они имели большие обетования, надеялись получить большие награды за свои подвиги? Нет, всем одинаково принадлежат те высокие обетования и та великая награда на небесах, тот венец правды, который уготовал Господь любящим Его (2 Тим. 4, 8).



*Протоиерей Арсений Троицкий
Город Кимры. Тюрма. 1930 год*

Чего же нам недостает для достижения совершенства и для получения истинного блага?

Недостает одного, именно: веры и любви к Богу, такой любви, какую пламенели души святых наставников наших, которая не останавливалась бы ни пред какими несчастьями и бедствиями жизни, ради которой мы всегда были бы готовы положить душу за други своя, от которой не могли бы разлучить нас ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни беда, ни меч (Рим. 8, 35)».

Учась в семинарии и исполняя послушание учителя певчих архиерейского хора, Арсений служил псаломщиком в Успенской единоверческой церкви в Твери.

В 1903 году Арсений Сергеевич женился на девице Татьяне, дочери протоиерея Павла Плетнева, служившего в храме Ильи Пророка в селе Селихово Корчевского уезда Тверской губернии. Вскоре он был рукоположен в сан диакона, а 17 октября 1903 года – в сан священника к Ильинской церкви в селе Селихово. Отец Арсений со всей ревностью глубоко верующего человека принялся за пастырский труд, не ограничивая его только рамками богослужения. Он сразу же вступил в благотворительное общество имени великомученицы Варвары, целью которого было оказание помощи бедным воспитанницам Тверского епархиального училища, и стал щедрым жертвователем и активным деятелем этого общества.

В 1908 году отец Арсений в соответствии с пожеланиями и благословением епархиального архиерея Алексия (Опоцкого) учредил при храме в селе Селихово церковноприходской совет, состоящий из двенадцати человек. Его целью стало поддерживать в приходе «угасающий дух религиозности и любви к святому храму и богослужению, развить приходскую благотворительность, ослабить сильно распространившийся порок пьянства, организовать библиотеку-читальню». За полгода деятельности совета была открыта при содействии Корчевского земства прекрасная библиотека-читальня и назначен заведующий, на оплату труда которого стали выделяться постоянные средства.

Все крестные ходы и молебны в домах прихожан совершались при огромном стечении народа и с великим благоговением. Все это стало происходить благодаря разъяснениям священника сути церковных таинств. Собирались денежные средства, которые раздавались нуждающимся во время пасхальных празднеств, были собраны средства на устройство богадельни при храме.

Отчет о деятельности приходского совета Ильинской церкви правящий архиерей отправил для публикации в «Тверских епархиальных ведомостях» в качестве примера добрых начинаний для других приходов.

В те годы становится насущной необходимостью выработка программы преподавания Закона Божия для просвещения народа. В епархии были проведены совещания представителей епархиального и губернского училищных советов и священников-законоучителей начальных школ. Одним из самых активных участников этих совещаний, проходивших с 4 по 6 марта 1914 года в Твери, стал священник Арсений Троицкий.

Когда началась Первая мировая война, отец Арсений вместе с прихожанами стал помогать больным и раненым воинам. В 1916 году за усердную пастырскую службу он был награжден камилавкой. 17 февраля 1917 года отец Арсений был назначен помощником благочинного 1-го округа Корчевского уезда. За ревностное и усердное служение он был возведен в сан протоиерея.

В послереволюционное время отец Арсений не стал уступать воинствующему безбожию, но, продолжая воспитывать своих прихожан в православном духе и укреплять в вере, организовывал многочисленные паломничества к православным святыням.

С 24 по 26 июля 1921 года священник возглавил паломничество в Николаевский Пешношский монастырь, находящийся в Дмитровском уезде Московской губернии. По окончании паломничества его участники образовали союз ревнителей христианского благочестия под небесным покровительством преподобного Мефодия, основателя Пешношского монастыря, вдохновившего сердца паломников объединиться в братский союз для религиозного

просвещения и большего преуспевания духовного в делах веры и благочестия. Протоиерей Арсений составил устав религиозного союза ревнителей благочестия. В летнее время члены союза стали принимать активное участие в крестных ходах, устраиваемых различными приходами, а в зимнее – в проведении бесед на религиозные темы.

24 ноября 1922 года за противодействие обновленческому расколу власти арестовали епископа Старицкого Петра (Зверева), исполнявшего в то время обязанности управляющего Тверской епархией. В тот же день в Никольской, что на Плацу, церкви в Твери состоялось собрание тверского духовенства и представителей приходских общин. Руководители собрания впоследствии составили выписку о принятых на нем решениях для сведения духовенства и мирян.

После длительного обсуждения собрание постановило настоятельно необходимым созыв Поместного Собора, «с соблюдением принятых ранее правил свободного избрания представителей от духовенства и мирян на окружных уездных и епархиальных собраниях; причем Собор должен состоять из православных христиан, и если намеченный “Живой церковью” и ВЦУ Собор не будет отвечать даже элементарным требованиям справедливости свободного избрания достойных представителей, то его игнорировать и озаботиться с разрешения подлежащей власти созывом другого, канонически законного и вполне правомочного Собора... Заслушав заявление группы верующих о желательности ходатайства за арестованных епископа Петра, протоиерея А.К. Бенеманского, мирян А.И. Соколова, А.М. Преображенского и протоиерея В.П. Куприянова ввиду полной неизвестности о причинах их ареста... единогласно постановили: принимая во внимание хорошо известную членам собрания политическую благонадежность арестованных лиц, их совершенную лояльность по отношению к советской власти и, с другой стороны, крайнюю желательность видеть их на свободе как лиц, способных действовать в умиротворяющем духе среди верующих масс, в особенности в настоящее время, ввиду возбуждения умов под влиянием действий чуждой верующим организации “Живая церковь” и, наконец, болезненного состояния епископа Петра, – избрать... (далее идет перечень фамилий. – И. Д.) и уполномочить их войти с ходатайством в губернское политическое управление и прокуратуру о выяснении причины ареста и освобождении их, если потребуется, под поручительство всех членов настоящего собрания».

Далее собрание выслушало телеграмму от духовенства и мирян Кашинского викариатства следующего содержания: «Узнав о прибытии в Тверь назначенного ВЦУ епископа Александра, заявляем, что Александра не признаем, распоряжениям его не подчиняемся... По обмену мнениями постановили: сообщить епископу Александру (Надеждину), что... единственным епископом, управляющим Тверской епархией, духовенство и миряне признают избранного ими епископа Петра или назначенного им; причем ни в коем случае не желают и не допустят к себе других епископов или священников, в особенности старой марки, вроде членов духовных консисторий или бывшего государственного совета, каковым является и епископ Надеждин, как элементов сомнительных и нежелательных...»

30 ноября 1922 года епископ Петр был перевезен из Твери в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму. 4 декабря епископ Осташковский Гавриил (Аболомов) направил послание духовенству и мирянам Тверской епархии, в

котором писал: «За отсутствием управляющего епархией преосвященного Петра, епископа Старицкого, в порядке управления по его поручению и по вызову тверского духовенства и паствы, я с 1 декабря вступил в управление Тверской епархией. Извещая о сем духовенство епархии через отцов благочинных, прошу всех пребывающих в молитвенном и каноническом общении с нами не принимать и не исполнять распоряжений иных духовных лиц или церковных организаций... присланного в Тверь от ВЦУ епископа Александра Надеждина (бывшего Кашинского) единодушно отвергнуть и поэтому рассылаемым представителями ВЦУ бумагам не верить и не придавать значения».

Представители православного духовенства в разъяснение происходящих событий дали пояснения священнослужителям и мирянам Тверской епархии. Они писали: «В Тверь прибыл епископ Гавриил из Осташкова и вступил в управление епархией. От “Живой церкви” и ВЦУ хозяйствуют три представителя Христовой церкви – епископ Александр (Надеждин), бывший священник в Пречистом Бору и Торжке Раевский и бывший протоиерей Покровской города Твери церкви Н.Ф. Троицкий, изгнанный приходом. Захватили канцелярию епископа Петра, захватили Желтиков монастырь, но с ними никто не служит».

5 декабря епископ Александр (Надеждин) и обновленческое епархиальное управление выпустили послание, обращенное к благочинным Тверской епархии.

25 января 1923 года состоялось собрание отдельных благочиний Кимрского округа. На следующий день состоялось собрание представителей духовенства и мирян всего Кимрского уезда. Съезд проходил в Воскресенском соборе города Корчевы, как центрального места в Кимрском уезде. Всего, кроме публики, присутствовало двадцать шесть священников, четыре диакона, восемь псаломщиков и пятьдесят два мирянина. Председателем съезда был избран мирянин Федор Роднов, товарищами председателя – благочинный 1-го округа протоиерей Иоанн Преображенский и мирянин Илья Трубач, секретарями – протоиерей Арсений Троицкий и протоиерей Арсений Покровский.

Первым выступил протоиерей Иоанн Преображенский, который глубоко и поучительно раскрыл сущность, красоту и величие Православной Церкви как служительницы миру в духе Христа, Его святого Евангелия. Затем он определенно и ярко нарисовал резко противоположный образ нового реформаторского движения, возглавляемого ВЦУ.

Содокладчиком выступил протоиерей Арсений Троицкий, который главное внимание уделил переживаемому моменту церковного развала, выражающемуся в сознательном походе на православие. Он сделал анализ программы «Живой церкви» на основании данных, опубликованных в журнале «Живая церковь», а также исходя из личных впечатлений от выступлений живоцерковников. В результате он пришел к выводу, что дух учения живоцерковников резко противоположен духу православия.

В конце заседания была принята следующая резолюция: «В многочисленных голосах представителей Кимрского уезда, в первую очередь прямых служителей алтаря – пастырей Церкви, а с ними равно их сотрудников, клира и мирян, собравшихся на совещание для выяснения вопроса, как относиться к новому церковному реформаторскому движению “Живой церкви”, – звучало одно твердое убеждение, что наша Православная Церковь есть столп и утверждение истины; в ней, как в теле Христовом, все вечно-юно, все вечно-живо, все благодатно-действенно; Русская Православная Церковь – есть хранительница истины Христовой в лице тех многочисленных праведников, которые, как солнце,

зажигают своим благодатным светом служителей слова Божия, простые сердца верующих, внушая тем и другим свято сохранять в чистоте и неповрежденности православную апостольскую святоотеческую веру. А потому и говорить, в особенности пастырям, о необходимости какой-то другой “Живой церкви”, внушать верующим, что будто бы нужно переменить свой прежний древлеотеческий взгляд на православие, собрание признало делом совершенно излишним, недопустимым, весьма вредным для внутреннего благосостояния Православной Церкви как единого тела Христова... Собрание нашло необходимым твердо и определенно заявить: “Никаких реформ и нововведений в Церкви без правомочного Собора Русской Поместной Церкви отнюдь не допускать”.

Поэтому, видя, как никем не уполномоченные представители реформаторских групп самочинно захватили в свои руки Высшую Церковную Власть в Русской Церкви и дерзают назначать в губернские города своих епископов, бесстыдно изменивших истине, собрание считает ВЦУ, а равно и его ставленника на Тверскую кафедру епископа Александра, делом законопреступным, неправомочным, самозванным и насильнически прервавшим законную церковную высшую власть; а также собрание негодует на то, что живоцерковники путем наговоров и клеветы ухищряются смещать законных пастырей Церкви, вполне лояльно относящихся к государственной власти; следовательно, собрание находит совершенно излишним и необязательным подчиняться ВЦУ и его ставленникам...»

1 марта 1923 года за проведение этого собрания были арестованы протоиереи Иоанн Преображенский, Арсений Троицкий, Арсений Покровский, Макарий Комаров, Александр Молчанов, Василий Рубцов и миряне Федор Роднов и Илья Трубоч и заключены в тюрьму ОГПУ в Твери. Тогда же был арестован и епископ Гавриил.

6 марта следователь допросил протоиерея Арсения Троицкого. На заданные ему вопросы священник ответил: «В предъявленном мне обвинении в нелегальной противосоветской деятельности... получении от епископа Гавриила директив и материалов для агитации, призывающей на мученичество и на борьбу с антихристами – гонителями Церкви и тому подобное, виновным себя не признаю... Мирян к себе в сотрудники я набирал с целью использования их для разъяснения ближайшему населению положения церковной жизни и программы “Живой церкви”, чтобы сохранить православное настроение в своем приходе».

9 марта все арестованные были переведены в тюрьму ОГПУ в Москве. 20 апреля следствие было закончено и вынесено следующее заключение: «Дело возникло в Тверском отделе ОГПУ на основании имеющихся материалов о том, что Аболымов (епископ Гавриил) распространяет среди церковников контрреволюционные воззвания, разжигающие национальную вражду, в особенности против обновленческих течений, называя их врагами Церкви. В результате этих воззваний епископа Гавриила церковники Комаров М.И., Молчанов А.Г., Покровский А.П., Рубцов В.Г. и миряне Трубоч И.А., Роднов Ф.И. под руководством Преображенского и Троицкого созывают уездный съезд духовенства, на котором выдвигают вопрос о создании специального органа, ведающего учетом сил сторонников тихоновского течения и вербовкой сотрудников из мирян для возбуждения национальной вражды и подготовки народного мнения... На основании вышеизложенного нахожу, что Аболымов, Преображенский, Троицкий, Комаров, Молчанов, Покровский, Рубцов, Трубоч и

Роднов являются яркими реакционерами и ведут антисоветскую деятельность, что подтверждается агентурными, имеющимися в деле материалами, а потому... вышеназванных заключить в концлагерь сроком на три года каждого».

16 мая 1923 года Комиссия НКВД по административным высылкам приговорила протоиерея Арсения и других арестованных к трем годам заключения в концлагере. Заключение отец Арсений отбывал в Соловецком концлагере. Освободившись в 1926 году, он вновь стал служить в селе Селихово.

В 1929 году советская власть стала проводить мероприятия по уничтожению священнослужителей Православной Церкви и свободных крестьян. 18 февраля 1930 года двадцатилетний секретарь комсомольской ячейки в селе Марьино Герман Гущин, обратившись к агенту ОГПУ, сказал, что может дать показания о некоторых крестьянах села. «Недели полторы тому назад, – сказал он, – при посещении помещения Роднова я заметил у него две приобретенные кровати и швейную машину. Я спросил его, где он приобрел кровати. Роднов мне про детскую кровать сказал, что дал ему Кротов, как ненужную. Привез кровать Роднов на моих глазах в ноябре 1929 года. Про другую кровать он замялся, ничего не сказал, а также не сказал, откуда у него взялась машина... Причем дополняя, что лишенец Кротов стал производить распродажу имущества после того, как объявлено было о раскулачивании. Первая опись имущества у Кротова была за неуплату налога в декабре месяце; тогда как он не должен распродавать после этого имущество, при описи фискалом часть имущества была укрыта, что доказывает проданный стол и кровать. А также укрыл имущество лишенец Башилов, как-то: швейную машину ножную он передал Роднову. От него машина полетела к Мареву, машина не попала в опись, машина в настоящее время находится у Марева, до описи спрятана была у Роднова. Также Башилов передал кровать Роднову».

Затем были допрошены несколько крестьян, которые дали весьма расплывчатые показания. В результате 15 августа 1930 года были арестованы протоиерей Арсений Троицкий, церковный староста Василий Кротов и крестьяне Андрей Башилов, Василий Трусов и Михаил Воронин и заключены в тюрьму в городе Кимры.

Допрошенный 20 августа Герман Гущин сказал: «Свои протоколы опроса, где я опрошен агентом розыска, я подтверждаю. Воронин до сего времени антисоветски настроен, при всяком удобном случае в группе крестьян он бросает шпильки по адресу советской власти, бедняцкой части деревни, дружбу он ведет с Башиловым, Кротовым, иногда бывает Роднов. Взаимоотношения с попом Троицким самые хорошие у Воронина, кроме того, с попом Троицким в особых хороших отношениях все кулаки деревни Марьино, в особенности, как я выше сказал, Воронин, Башилов, Кротов, Трусов; поп бывает у них во время молебствия; ходят ли они домой к Троицкому, сказать не могу, но во время праздников ходят в церковь. Кротов же, как бывший церковный староста, был часто у попа дома».

27 августа 1930 года следователь допросил Андрея Башилова, который сказал: «Найденная у меня серебряная разменная монета в сумме сто три рубля двадцать копеек составила у меня таким образом. Во время служения молебнов священником Троицким из села Селихово последний собрал по деревням большое количество монеты, как серебра, так и меди. Проходя по деревням, поп Троицкий зашел служить молебен ко мне в дом. Когда он отслужил молебен, я вынул пятидесятирублевую бумажку, из которой получил

сдачи 49 рублей, так как за молебен подал Троицкому один рубль. Я у попа не просил исключительно серебряную монету, а просил дать мне сдачу. Троицкий мне ответил: “Если у меня есть, я тогда дам”. Троицкий таковые мне сдал. Я эти деньги положил в мешочек и спрятал в сундук. За время нахождения этих денег, то есть серебряных, мне приходилось кое-кому платить – например, за починку колеса я заплатил 1 рубль 75 копеек, и еще кой-кому. Я весной этого года имел несколько пар валяной обуви, которые продал, в счет чего получил также серебряную монету. О том, что чувствовалась недостача в мелкой серебряной монете, я не знал, так как никуда не хожу. Я эти деньги хранил на “черный день” и на уплату налогов. Во время обыска у меня было найдено еще 48 рублей бумажных денег. Я при обыске сказал, что в сундуке имеются бумажные деньги и старые бумажки и документы, потому что думал, что речь идет не о серебряных деньгах, а вообще производится обыск».

2 сентября следователь допросил отца Арсения, и тот, отвечая на вопросы, сказал: «В отношении найденного серебра у Андрея Башилова, я помню, что во время Пасхи, когда мы обходили деревню Марьино с молебнами, мы зашли в дом Башилова совместно с причтом в лице псаломщика и диакона.

Отслужили молебен в доме Башилова; последний, вынув пятидесятирублевую бумажку, предложил получить 1 рубль за молебен и получил сдачи 49 рублей серебром. Просил ли он серебряной монетой сдачу или бумажными купюрами, я этого обстоятельства не помню. Я думаю, что он хранил найденное у него серебро исключительно как сбережения, а не как метод укрытия серебра от его движения. Я посещал дом Башилова с религиозными требованиями и других посещений не делал.

С Кротовым у меня большой дружбы не было. Я бывал у него дома исключительно по делам церкви. То же самое было, когда Кротов, будучи церковным старостой, посещал мой дом.

В своих проповедях я никогда не касался политики советского правительства, и проповеди носили исключительно религиозный характер. Проповеди мои привлекали много молящихся, как мужчин, так и женщин. Я пользуюсь авторитетом среди населения в нашей общине, так как служу в этом приходе около двадцати семи лет. Существовавший в селе Селихово колхоз развалился в то время, когда я находился в заключении, и по возвращении моем из него колхоза уже не было.

Виновным себя в передаче серебра Башилову с целью укрытия такового и в агитации против мероприятий советской власти не признаю».

3 сентября следствие было закончено с таким заключением: «Троицкий, Башилов, Кротов, Воронин, Трусов достаточно изобличаются в том, что в период тяжелого положения с разменной серебряной монетой с целью подрыва финансового положения в СССР священник села Селихово Арсений Троицкий передал около 50 рублей серебряной мелкой монеты гражданину деревни Марьино Андрею Башилову, который к этой сумме еще скопил 53 рубля 2 копейки и составил сумму в 103 рубля 2 копейки, каковые были у него обнаружены во время обыска. Те же, Башилов, Троицкий и граждане Воронин, Кротов и Трусов, бывший городской, будучи тесно между собой связаны как по своей классовой принадлежности, так и по имущественному положению, вели агитацию против мероприятий советской власти, проводимых на селе. Свою агитацию проводили главным образом среди отсталой части населения, а священник Троицкий – среди прихожан своей церковной общины. Кротов, будучи

церковным старостой, во всем помогал священнику Троицкому, с которым был в дружественных отношениях... Воронин и Трусов, будучи связаны с Башиловым как валялы, вели работу среди населения против политики советской власти на селе по отношению к лишенцам и зажиточному классу».

22 ноября 1930 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Арсения к трем годам ссылки в Казахстан, старосту Василия Кротова – к трем годам ссылки на Урал, крестьяне Андрей Башилов, Михаил Воронин и Василий Трусов были из-под стражи освобождены. Ссылку отец Арсений отбывал в Актюбинске.

Вернувшись, он стал служить в храме Покрова Пресвятой Богородицы в селе Власово Шатурского района Московской области.

28 октября 1937 года власти арестовали весь клир Покровского храма – трех священников и двух диаконов. Первые допросы проходили в сельском отделении НКВД.

4 ноября протоиерей Арсений подписал протоколы, составленные следователем, с признанием вины в руководстве контрреволюционной группой церковников. На вопрос следователя, признает ли он себя виновным в систематической контрреволюционной деятельности, отец Арсений ответил: «Я враждебно настроен к ВКП(б), но после возвращения из ссылки я против советской власти открытой агитации не вел».

После первых допросов отец Арсений был переведен в Таганскую тюрьму в Москве, и здесь 16 ноября священника допросил другой следователь, но с применением тех же самых угроз. На этот раз отец Арсений занял твердую позицию и не стал подписывать никаких лжесвидетельств.

– Вы арестованы как руководитель контрреволюционной группы духовенства. Признаете себя виновным? – спросил следователь.

– Виновным себя в контрреволюционной деятельности не признаю. Действительно, я не отрицаю того, что являлся настоятелем данной церкви, но все лица собирались и обсуждали вопросы религиозных обрядов, своих мыслей против советской власти я не высказывал, – ответил священник.

– Вас уличают в контрреволюционной деятельности обвиняемые. Намерены вы давать следствию откровенные показания?

– Никакой агитацией я не занимался. Все улики, которые мне предъявлены, являются клеветой на меня.

17 ноября 1937 года тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Протоиерей Арсений Троицкий был расстрелян в тот же день и погребен в неизвестной общей могиле на полигоне Бутово под Москвой.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Дамаскин (Орловский), игумен. Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Кн. 6. Тверь, 2002. С. 290-310.

«Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии Ноябрь». Тверь, 2003 год, стр. 62-76.